

Мария Цебрикова

ЧТЕНИЕ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

Впервые опубликовано в: Воспитание и обучение. 1888. № 6, июнь. С. 209–218.

С четырнадцатилетнего возраста и даже ранее дети начинают скучать за детскими повестями. Не одни слова в заглавии: «для детей» отталкивают читателей подростков, не одно желание казаться большими побуждает их бросать детские книги. Нет, во всем этом есть и более разумная основа. Оставляя в стороне тех детей, которые, благодаря беспечности старших или небрежному присмотру в школе, успели пристраститься к чтению дрянных и развращающих романов и для которых детские рассказы и повести слишком пресная пища, — мы возьмем ребенка с хорошо развитым вкусом, с пробуждающеюся пытливостью и с чутьем правды. Положим, что в дурно воспитанном ребенке пытливость может быть усыплена, вкус притуплен и груб; но в нем все-таки, как во всех заурядных натурах, бессознательно живет чутье правды. Чем же может удовлетворить эти запросы детская беллетристика? Мы не говорим о немногих исключениях, ни об общем ее характере. Художники-писатели вообще не пишут для детей. Самое лучшее то, за что в последнее время принялась как детская, так и народная литература — это за выборки из произведений авторов-классиков, имеющие характер цельности. Выборки такого рода, если они умно сделаны, вполне удовлетворяют требованиям, предъявляемым нами как для чтения детей, так и для чтения взрослых: они доставляют наслаждение не только простотой формы произведения, но и идейностью его. Впрочем, при этом надо с некоторой оговоркой принимать известное изречение о том: *«что нет художественного произведения, которое не было бы понятно всем, как человеку, поднявшемуся на высоту знания и мысли, так и тому, кто стоит у подошвы его, т. е. как взрослому, так и ребенку»*. Все общечеловеческое ясно и понятно для незрелых и неразвитых умов только тогда, когда идея передана в простых и несложных мотивах и действиях. Наши «лишние»

люди, несмотря на художественные их образы, созданные Тургеневым, не будут поняты ни народом, ни детьми. Гамлет Шекспира может быть понят только со стороны его колебаний между заветами предков о кровавой мести и инстинктами человечности, но понимание самой гамлетовщины, — недуга, которым болеют «лишние» люди, живущие на рубеже двух мирозозерцаний, отживающего и нарождающегося, по плечу только людям, испытавшим муки критической мысли. То же самое можно сказать и о мифе Фауста и Мефистофеля, о Байроновских героях с их презрением к жизни и к людям. Образы скептицизма и пессимизма — нездоровая пища для детского ума и, к счастью, малодоступная ему. Ифигения, Антигона, Гракхи, герои древнего и нового мира, герои романов Гюго, Диккенса и некоторых рассказов Жорж-Санд — вполне понятны и симпатичны детям. Широкое человеческое чувство, борьба за добро, самопожертвование, все, что затрагивает лучшие стороны человеческой природы, — все это найдет отзыв и в детской душе. Но все это должно быть передано в духе простой и ясной морали. Лео, напр., художественно изображенный Шпильгагеном — герой обаятельный для детей-подростков, хотя они и пропускают страницы о политической деятельности его; но мораль Лео не годится для незрелых умов, неспособных понять настоящее и опасное значение его девиза: «цель оправдывает средства».

Вообще, родители опасаются давать романы в руки детей старшего возраста, в особенности девочкам, ради эротического элемента, занимающего большее или меньшее место в различных современных беллетристических произведениях. И прежняя идеализация, изображавшая любовь чувством всевластным и роковым, и современный реализм, который и в наилучших произведениях своих, чистых от циничных целей, дает тем не менее грубо житейские сцены, граничащие с цинизмом, — равно вредно, хотя и с разных сторон, действуют на детскую фантазию. Дети же с 14 лет и часто еще гораздо ранее интересуются романом именно с этой стороны и ищут в них удовлетворение любопытству и запретных волнений. Но запрещение романов не достигает цели, и дети будут читать их тайком и без разбора. Опасение родителей вполне понятно и разумно: но меры, принятые под внушением его — недействительны. Маменьки доброго старого времени заклеивали, бывало, страницы любовных объяснений; существует даже предание о классных дамах, которые, лет пять-десять тому назад, вычеркивали в стихах слово *amour* и заменяли его другим *tambour*. Все подобные меры вели к совершенно противоположным

результатам. Запрещение разжигало только любопытство девочек, подчеркивало для их внимания подробности запрещенных слов. Опасность влияние романов на нравственность детей заключается не столько в самом романе, сколько в той жизненной среде, которая заронила в воображении подростков вредные впечатления, обращая для них чтение хорошего романа в развращающее. В октябрьских книжках «Revue des deux mondes» помещена очень хорошая повесть Jeanne d'Avril, в которой сделан верный и тонкий анализ впечатления, произведенного на девочку первой сценой любви, прочтенной ей в романе. Психические основы этого впечатления и влияние чтения тайком на развитие девочки, так сказать, выхвачены из жизни. Жанна растет в среде, где все может только разжигать и мечтательность, и чувственность девушки. Мать ее, вдова, была верной женой фактически, но целую жизнь вздыхала и ныла тайно оттого, что оттолкнула любимого человека. Она и бабушка Жанны добивались только одного: как бы оградить девочку в будущем от всяких бед по части сердечных увлечений и ради этой цели строго на строго запрещали ей читать романы. Мать под сорок лет, встретясь с любимым человеком, преследует его своей любовью, делает скандальные сцены. Следовательно, Жанна не может похвалиться ни здоровой наследственностью, ни примером.

У Жанны есть приятельница Сесиль, которая старше ее годами двумя и уже испытала волнение пожатой украдкой ручки, любовных взглядов и даже поцелуев. Муж сестры Сесили, порядочный негодяй, находит удовольствие в такой игре с 15-летней девушкой. Рассказы Сесили уже не роман, а действительность. И физиологически и психически Жанна подготовлена к тому потрясающему впечатлению, какое произвели на нее растрепанные листки старинного романа, найденные случайно на чердаке, и как нарочно те, на которых были описаны любовные объяснения героев. Это чтение было откровением для Жанны; она с чувством преступницы прочла запретные листки, спрятала их и бегала тайком читать и перечитывать их. Результат чтения сказался в перемене товарищеских отношений к мальчику, который по поступлении в лицей превратился из робкого вздыхателя в смелого. Признания Сесили о шаловливом ухаживании ее зятя, рассказы о его любовной интриге с какой-то барыней, меланхолическое изнывание матери — вот атмосфера, в которой живет девочка, переставшая быть ребенком. Прибавьте к этому толки родственниц и знакомых о ее шансах на замужество, заботы матери и бабушки о ее наружности, цинический разбор красоты женщин, который слышит Сесиль

от мужа сестры и передает Жанне, — все это вместе и без всякого запретного чтения дает достаточно поводов будить слишком рано женщину в девочке и будить с самой низменной и пошлой стороны. В мечтах Жанны о любви нет ничего идеализирующего и возвышающего это чувство: ни дум о семье, о трудовой жизни; у нее не сложился никакой идеал героя, нет стремлений вдохновлять его на подвиги. Все мечты ее вертятся в кругу ухаживания, кокетства, поцелуев; в ней рано пробуждается потребность пробовать свою власть над мужчинами. Она любит себя в зеркале, изучает игру физиономии, эффект разных туалетных тайн. Она развращена уже в то время, когда мать, считающая ее ребенком, налагает свой остракизм на ее чтение. Это верная картина из жизни огромного большинства девочек-подростков, получающих светское воспитание.

Романы, при таких условиях, усиливают порчу, но запрещение их — плохое средство поправить зло. Корень его в влияниях более сильных, чем чтение, а недостаток доверия между родителями и детьми дает полную волю разрастаться корням. Запрещением не поможешь горю. Раз уже появилось желание читать романы, то приходится примириться с этим фактом и нужно стараться руководить чтением. В таком случае лучшее чтение Диккенс, Джордж Элиот. В произведениях этих писателей любовь занимает свое место рядом с другими сторонами жизни. Герои Диккенса имеют свои чистенькие и неширокие цели кроме любви; они борются за кусок хлеба для себя и семьи, живут среди людей и симпатичных, и отталкивающих черствостью; характеры всех действующих лиц обрисованы с неподражаемым юмором, и человечность автора учит любить людей. Герои Джорджа Элиота пошире героев Диккенса; одни сознательно живут для высших целей, другие носят в себе стремление к лучшей жизни. Во всех этих романах любовь один из мотивов жизни.

В иных общественных кружках выбирают исключительно английские романы; я знала многих подростков-девочек, которые не знали другого чтения, кроме романов «поучительных и чинных», которыми масса английских писательниц наводняет книжный рынок. Мораль их безупречна, но исключительность такого чтения не может быть полезна. Чистота семейной жизни, которую высоко ставят авторы, сильно подкупает в пользу этого чтения матерей.

Но действительно ли изображаемая в поучительных и чинных романах жизнь так чиста и хороша, чтобы видеть в ней идеал лучшего? Здоровая семья — лучшая школа для первых годов детства;

привязанность, заботы друг о друге членов семьи растят в душе ребенка теплые, человеческие чувства. Но несмотря на всю чистоту и крепкое семейное чувство, большая часть поучительных и чинных английских романов идеализируют не здоровую семью. Читая эти романы, видишь, что автор не ценит ничего, кроме семьи; она для него гнездо, жилищам которой нет дела ни до чего в мире, кроме себя и своих. Эгоизм не личный, но коллективный — вот принцип такой семьи. Сын уезжает из дома зарабатывать хлеб, чтобы быть опорой родной семье, выплатить долги отца или прикопить капиталец, без которого не может жениться на любимой девушке. Дочь отказывается человеку, которого любит, потому что должна работать, чтобы поддержать вдову мать или сирот сестер и братьев. Все это хорошо, сын и дочь — люди добрые и честные, исполняющие свой долг; беда в том, что, с узенькой точки зрения авторов, они — герои, выше и лучше которых не может быть ничего. Эта точка зрения, поднимающая семью выше всего в мире, не сохраняет семью, но разрушает ее; она противоречит и учению Христа к духу общечеловечности. Надо, чтобы подростки учились своему долгу к семье, но надо, чтобы они знали, что не в ней весь мир. Семья не высшее начало жизни и может нести благо или зло, смотря по тому, как она понимает начало это.

Романы, которые посвящены исключительно любви, следует изгонять из чтения подростков, но не запрещением, раз книги попали в руки их, а выбором другого, более здорового чтения. Вообще в романах, исключительно описывающих любовь, много места занимает психологический анализ, который скучен для детей; и, читая романы, ради эротического интереса они вообще пропускают страницы анализа, спеша добраться до сцен, которые перечитывают по нескольку раз. Мир литературы богат интересами и другого рода, и надо научить детей понимать их; это будет отвлекающим средством от поглощения фантазии эротическим интересом. Общие семейные чтения в часы отдыха — лучшая школа для развития здорового вкуса к чтению, но конечно при разумном отношении родителей к запретным предметам. Мне не раз приходилось видеть тревогу маменек, чуть чтение доходило до запретного предмета, и понятно, что тревога эта могла только усилить интерес к нему детей. Но почему книга так пугает? Разве дети не видят влюбленных? Старшие братья, сестры, родственники влюбляются, женятся. Простое отношение к факту жизни, который занимает в ней свое место в ряду других — лучшее средство умерить нездоровое увлечение детей.

Ранний цинизм развивается в детях тех семей, где нет духовного общения между родителями и детьми, и не громы педагогической власти искоренят его. В биографии Аполлона Григорьева упоминается о таком факте. Нуждавшийся в средствах к жизни в начале своей писательской карьеры, Григорьев взял место воспитателя одного испорченного барчонка-подростка, возмущавшего его своим цинизмом. Надеясь помочь горю поэзией, он дал воспитаннику Шекспира в очищенном издании для юношества. Первым делом мальчика было восстановить все пропущенные места.

Не громы власти поправят дело, а отвлекающие средства; дайте лучшие впечатления молодому уму, здоровую пищу мысли и сердцу. Четырнадцатилетний возраст — пора, когда детский ум способен уже понимать многие стороны жизни, общественных отношений. Картины труда, борьбы со злом, характеристика людей, воплощающих в себе стремление к лучшему, — вот что надо отыскивать в произведениях первоклассных писателей всех литератур. Юность — героическая пора жизни, и в конец испорчены те подростки, в душе которых все прекрасное, возвышающее, человеческое, все, что несут произведения эти, не найдет ответа. Один талантливый писатель в своей автобиографии говорит о том благотворном действии, какое имели на их товарищеский кружок идеальные и героические стремления: «они выжигали сальные пятна».

На совет давать чтение, которое поднимало бы детей от пошлой обыденности, будило в них стремление к добру, справедливости, труду для пользы общества, а не одних личных выгод своих, — обыкновенно отвечают следующими возражениями. Первое, что если дети будут читать и толковать об общественных отношениях и идеалах, то это разовьет в них фразерство. Но почему же разовьет фразерство? Ведь само собой понятно, что дело идет не о посвящении детей в политические и социальные теории, а о понимании человеческой стороны среды, в которой они живут, понимании отношений людей, которых видят. Если общественные интересы дороги родителям, то и дети выучатся от них искреннему отношению к этим интересам. Притом надо заметить, что детей очень часто совершенно напрасно обвиняют в фразерстве. Получив новые понятия, они, естественно, выражают их теми словами, в каких были переданы им новые для них мысли и факты; свои слова вырабатываются позднее. В речах молодежи всегда более книжных и научных терминов и оборотов, чем в речах зрелых людей, вполне овладевших предметом, о котором идет речь. Это не фразерство, а привычка. Надо следить за тем, чтобы *не свои слова*

выражали вполне усвоенные понятия, чтобы они говорились не для рисовки.

Второе возражение такое: указывая детям на более высокий идеал добра, справедливости, будя в них стремление достигнуть и осуществлять его, мы сделаем их мечтателями, идеалистами, не пригодными для жизни. Один отец, от которого я слышала это возражение, скрепил его такими словами: «я дам в руки своей дочери скорее Поля де Кока, чем Санд». Но разве возможно дать такие высокие идеалы от мира сего, которые отрывали бы юношество от действительности? Раз известные идеалы существуют, то есть и почва для применения их, есть и люди, в которых юношество найдет опору и пример. Эта жалоба на идеалы доказывает только одно, а именно то, что не сплошь все общество проникнуто ими. Стоит иногда перейти из одного этажа в другой для того, чтобы из современной семьи очутиться в семье, живущей духом крепостничества, несмотря на двадцатипятилетие, истекшее с отмены крепостного права. Ни в какую эпоху общество не представляет полного единства воззрений, нравственности, образа жизни. Конечно, юношеству, живущему в той части общества, где все это ниже, и узнавшему идеалы той, где все это выше, жизнь дается не легко; ему придется страдать и от столкновений с непосредственно окружающей его средой и от чувства неудовлетворенности, вызываемого ей. Но что же делать? Даром ничего не дается в жизни. Совершенствование человека покупается ценой борьбы и нравственных страданий. И в Евангелии сказано: «Царствие небесное силой нудится». Только близорукая нежность родителей, неспособная поднять семью выше уровня птичьего гнезда, станет оберегать детей от таких страданий. Отец, предпочитавший для дочерей Поля де Кока Жорж Санд, был добродушный эгоист, проводивший всю жизнь за преферансом, не читавший ничего кроме газет, и желавший для сыновей только теплых местечек, а для дочерей мужей с такими же местечками. Он говорил: «не терплю я этих превыспренности и для сыновей, а для дочерей и того хуже. Недовольны будут домашней жизнью. Молодой человек дома — гость, а дочь живет дома до замужества. Приятно видеть задумывающуюся, постную физиономию!» Но ради таких соображений лишить подростков человеческих идеалов значит совершать нравственное убийство. Характер и поступки человека складываются из трех влияний: окружающей его среды, его собственной природы и идеалов, которые руководят им. Чем низменнее идеалы, тем низменнее и его жизнь. В стремлении к добру, даже в самых неудачных попыт-

ках осуществить его в жизни — есть счастье, которого не знают и понять не могут люди, чуждые этих стремлений. И какие бы неприятные осложнения жизни ни несли идеалы лучшего, человек, достойный этого имени, хранит их, как величайшее благо. Это должны помнить родители, опасющиеся того рода чтения, которое несет высшие идеалы добра и справедливости.